

Нога снова уперлась обо что-то твердое.

Я уже собирался выругаться и перешагнуть преграду, как вдруг замер.

Это было тело одного из наших.

Еще один товарищ, павший смертью храбрых в окопе.

Его голова вместе со стальным шлемом была оторвана взрывом, безжизненное тело нелепо завалилось в траншею, а одежда пропиталась кровью и землей. По фасону ботинок я сразу понял — свои.

Погиб. Еще один пал в бою.

Бормоча про себя, я с трудом согнулся и крепко ухватил его за запястье.

Обязанность каждого солдата на войне — забрать и подготовить к упокоению павших товарищей, невзирая на лица и обстоятельства, если только позволяет обстановка.

В такие минуты у каждого, кто находит в себе мужество ступить на поле боя, — поистине нестигаемый стержень. Они сражаются, буквально рискуя жизнью! — вспоминал я слова старика Лэя, с которыми он как-то обратился ко мне, помогая приводить в порядок тело погибшего товарища.

Истинные мужи!

Я вспомнил, в какой панике люди бежали из города, когда кольцо врагов почти замкнулось. Все дороги наружу заполнились бесконечными потоками машин и людей; толпы давили друг друга, плакали дети, кричали взрослые — вокруг творился настоящий конец света.

Когда я втащил тело товарища в безопасное укрытие внутри туннеля, силы окончательно оставили меня. Война безжалостно подтачивала мое здоровье: мне не удавалось ни нормально выспаться, ни поесть, ни даже сделать глоток горячей воды.

Веревки на ботинках, похоже, порвались, пальцы ног увязли в холодной сырой грязи, тело начало бить озноб. Я плотно обхватил себя руками и сжался в комок.

В пустом и темном туннеле повсюду громоздились изуродованные тела товарищей, из которых вытекла вся кровь, а в воздухе явственно ощущалось дыхание смерти.

Воды... как же хочется сделать глоток воды!

Горячей, желательно только что вскипевшей, в огромной кружке. Нет, лучше добавить туда апельсинового сока — того самого приятного молочно-желтого сока, источающего опьяняющий цитрусовый аромат.

Проклятые гайдзины снова начали бомбежку. С трудом вставив беруши, я продолжил ежиться в темноте.

Враг идет! Приготовиться к бою!

Вскоре после окончания артобстрела по туннелю разнеслись крики бойцов.

В бой!

Превозмогая боль, я поднялся на ноги, подхватил винтовку и поплелся к укрытию.

На этот раз перестрелка между наземными силами длилась недолго — враг быстро выдохлся. Наемники, похоже, еще толком не освоили собственное оружие и даже не умели пользоваться автоматическими системами защиты на бронетехнике.

Бросив одну пылающую боевую машину пехоты, ублюдки с дикими воплями начали отступать.

А вот вражеская пехота, застрявшая неподалеку от наших позиций, оказалась отрезанной под шквальным огнем.

Я азартно подавлял огнем гайдзина, затаившегося в ближайшей воронке, как вдруг справа донесся чей-то крик:

В экстренное убежище! Бегом в экстренное убежище!

Это орал Чжан Тинъюй, а вокруг раздавался топот панических шагов.

В чем дело?

Зачем так орать, неужели не боится привлечь внимание врага?

Продолжая вести стрельбу, я в растерянности двинулся на его голос.

Там что, горячую воду дают? — отрешенно бросил я.

Враг сбросил термобарический боеприпас, живо в укрытие! Черт побери, жить надоело?!

Чжан Тинъю с размаху пихнул меня вглубь туннеля.

Термобарическая бомба!

Меня словно током ударило, в голове сразу прояснилось.

Черт, не могли сразу термос с кипятком скинуть? Тогда бы я точно на позициях дожидался.

Выругавшись на седьмое колено в адрес сбросившего бомбу ублюдка, я шатающейся походкой побрел к убежищу.

Бойцы бежали в укрытие по двое-трое, на ходу выкрикивая проклятия.

Для нас, пехотинцев, удерживающих позиции, термобарический боеприпас — это верная смерть без пощады и отсрочки.

Перед лицом чудовищной разрушительной силы термобарического оружия спастись не мог никто — ни те, кто замешкался хоть на секунду, ни те, кто остался без прочного укрытия или кислородной маски.

Наши позиции были оборудованы на восточной возвышенности, ближе всего к городу. Сам город изначально являлся стратегическим узлом: в нем разместилось множество подразделений ПВО и гарнизонных войск, а военные инженеры проложили разветвленную сеть туннелей. После начала полномасштабной войны саперы возвели здесь глубошелочные оборонительные рубежи эллиптической формы глубиной до тридцати километров, включая те самые гряды холмов недалеко от города. Все ключевые узлы сопротивления были оснащены индивидуальными средствами комплексной защиты, чтобы гарнизон мог выдержать удары термобарическим оружием.

В самом начале наступления на кольцевой рубеж обороны вражеская авиация поддержки не могла нормально включиться в бой: силы ПВО, базировавшиеся в городе, отбросили вражеские самолеты почти на семьдесят километров. Лишенные эффективной поддержки с воздуха, наземные силы противника явно испытывали недостаток действенных средств нападения. Однако по мере истощения запасов ракет у ПВО вражеская авиация усилила удары по наземным целям. Сначала противник применял обычные кассетные боеприпасы большой дальности, но когда к ним поступили и были сброшены тяжелые бетонобойные бомбы, объемно-детонирующие боеприпасы и инфразвуковое оружие, наши потери резко возросли. Значительная часть погибших бойцов рассталась с жизнью именно из-за топливно-воздушных и инфразвуковых бомб ублюдков. Воспользовавшись этим, враг начал постепенно сужать кольцо окружения.

Удерживаемый нами участок обороны имел в глубину всего чуть больше двух километров и изначально служил огневой позицией для одной из батарей 152-го тяжелого буксируемого гаубичного дивизиона. К сожалению, они даже не успели раскрыть свой боевой потенциал: во

время одного из спешных залпов позиции подверглись внезапному налету нескольких штурмовиков А-10 на предельно малой высоте, и вся батарея понесла тяжелейшие потери. Тем не менее, подземные коммуникации здесь сохранились неплохо, включая защитную комнату, способную вместить более ста человек.

Добравшись до входа в убежище, я заметил подоспевших туда же большого Ли и Сун Буи, которые до этого отлеживались в медпункте с ранениями.

Бойцы, прибывшие раньше, один за другим надевали портативные кислородные генераторы и натягивали маски.

Наши генераторы вырабатывали кислород в результате химической реакции перекиси водорода со специальными пластинами. Легкие и простые, они были созданы на базе гражданских разработок и массово поставлялись в войска.

Вскоре в защитное помещение проскользнули еще два десятка бойцов.

Все на месте? — обернувшись, спросил Сун Буи.

А где Ли Вэй и Цзян Лэй? И Чжан Тинъю? Кто-нибудь их видел? — с тревожным сердцем окликнул я товарищей.

Никто не ответил.

Держи, надевай кислородную маску, — Сун Буи протянул мне защитный комплект.

Натянув маску и закинув на плечо сумку с кислородным прибором, я оглянулся в ожидании троих отставших.

Термобарическая бомба могла рвануть на позициях в любой момент, и без закрытых гермодверей нам всем конец. Находящиеся в помещении бойцы разом замолкли, прислушиваясь и ожидая товарищей сверху.

Тревожная тишина повисла в воздухе; каждый затаил дыхание в ожидании прихода смерти. В тусклом свете аварийных ламп напряженно переглядывались молодые лица, а тени на стенах судорожно метались.

Кто знает, для кого из них это испытание первое.

Несколько бойцов, готовых в любую секунду захлопнуть двери, с нарастающей паникой ждали появления Ли Вэя и остальных, их лбы покрылись испариной.

Если не закрыть двери, спасения не будет.

Низкие своды туннеля тонули во мраке — сумеют ли те трое вырваться из этой темноты?

Наконец из дальнего конца коридора показались их силуэты.

Впереди всех тяжело отдуваясь бежал майор.

Они что, кого-то тащат на себе?

Времени на расспросы не оставалось. Мы с Сун Буи помогли всей троице ввалиться в защитное помещение.

Несколько бойцов молниеносно захлопнули тяжелые стальные двери укрытия и задвинули засовы.

Бункер находился на самом нижнем уровне туннелей, почти в двадцати метрах по вертикали от поверхности позиций. Чтобы добраться до него от главного хода, нужно было преодолеть с десяток крутых поворотов. В помещении имелось целых три выхода в разные стороны — даже если один из участков туннеля обрушится, нас не завалит заживо.

Чжан Тинъюй был ранен.

Я только повернулся, чтобы осмотреть его рану, как сверху донесся жуткий глухой удар, и опорные балки по углам противно заскрипели.

Взорвалась термобарическая бомба.

Все подняли головы: силовой уголок у самой вершины несущей колонны на глазах начал выгибаться и деформироваться. Мгновение спустя мощнейшая ударная волна раскаленных газов с грохотом пронеслась по туннелю, словно разъяренный ревущий дракон. От взрывной волны топливно-воздушного боеприпаса затрясся весь пол убежища, и вместе с содроганием земли из зазоров между двутавровыми балками потолка посыпались тучи пыли.

Бах!

Поток раскаленного воздуха с силой обрушился на дверь.

На этот раз вражеская термобарическая бомба сдетонировала прямо над нашими позициями, превратив укрытие в самый эпицентр взрыва.

В щели по периметру двери ударили плотные струи дыма и гари, втянутые внутрь помещения.

По бункеру зазмеились обжигающие воздушные потоки. Температура в комнате стремительно поползла вверх, на моем лбу моментально выступили капли пота.

Не успела поднятая у двери пыль осесть, как неведомая сила потянула ее назад. Частицы вновь устремились к выходу — словно испуганный бездарный актер, который, внезапно оказавшись перед лицом множества незнакомых глаз, судорожно пытается сбежать со сцены. Из-за чудовищного разрежения воздуха дверные щели завывали протяжным свистом, атмосфера стремительно улетучивалась наружу.

Кислород в маске отдал резким химическим запахом, и меня охватило беспокойство.

Я оглядел сидящих на полу бойцов — движения у всех были скованными и неестественными.

Цзян Лэй обхватил колени руками, спрятав лицо глубоко между бедрами; без всяких расспросов, по одному лишь вздрагивающему кадыку и судорожно трясущимся плечам можно было понять, какой ужас сковал парня.

Враг применил тяжелый термобарический боеприпас. Хорошо, что мы успели укрыться. Но мне было непонятно: неужели врагам наплевать на собственных людей? Неужели они собрались сжечь своих солдат вместе с нами в одном пламени? На стиль американских ублюдков это совсем не похоже!

Хотя да, против нас воюют наемники — обычное пушечное мясо.

Только что передовые группы вражеской пехоты прорвались к самому входу в туннель, и наверняка часть солдат не успела отойти, сгори заживо в эпицентре термобарического удара.

Пробыв в укрытии еще несколько минут, я подошел к майора.

Можно выходить на поверхность. Наверху есть тяга, концентрация угарного газа вряд ли критическая, — сказал я, приподняв маску.

В голове слегка зашумело, и я поспешно вернул маску на место.

Ошибка, ошибка! Концентрация высокая!

После каждого взрыва образуется огромное количество угарного и углекислого газа, а из-за неполного сгорания взрывчатки в воздухе висел отвратительный едкий дух.

Все снова ждали при свете тусклых ламп, пока пыль в убежище окончательно не осела, и несколько бойцов с трудом распахнули перекошенные двери.

Майор с аварийным фонарем шел впереди, и мы гуськом двинулись наверх по задымленному туннелю.

Добравшись до второго яруса, мы обнаружили, что выход на верхний уровень полностью завален: проход, сплюснутый чудовищной ударной волной, забит переплетением железобетона и арматуры.

Выхода нет!

Мы переглянулись — надо срочно искать обходной путь.

Туннели слева и справа оказались уничтожены взрывом.

К счастью, после поисков выяснилось, что дорога вглубь комплекса все еще проходима.

Делать нечего, собираться и отдыхать внизу слишком опасно, оставалось лишь отступить к тыловым укрытиям Су Циня и остальных. Проходя мимо хранилища 152-х снарядов, я заметил, что главный вход в него разворочен недавней бомбежкой.

Оставался запасной лаз, ведущий в помещение для детонаторов — мы с стариком Лэем как-то заходили туда.

Нащупывая дорогу в темноте, я свернул в боковой проход.

Толстые, прочные своды туннеля сильно просели: еще один мощный взрыв — и хранилище проломит до конца.

Я осторожно отступил назад.

Майор как раз занимался пересчетом людей и снаряжения, бойцы по очереди докладывали об остатках боекомплекта. В танковом укрытии по-прежнему стоял тошнотворный смрад, а пороховой дым долго не оседал в неподвижном воздухе.

Товарищ майор! Танковые снаряды на исходе, осталось чуть больше сотни пулеметных патронов; у большинства из нас боезапас ниже минимального норматива, противотанковых ракет всего две штуки. Двадцать четыре бойца погибли, один тяжело ранен. Нам нужно продержаться еще шесть часов, — закашлявшись, доложил большой Ли.

Танк пока останется здесь. Есть ли еще оружие?

Су Цинь спрыгнул с брони.

Запасы боеприпасов иссякли до предела. Выслушав доклад, Ли Вэй нахмурился.

Я вспомнил про ту противотанковую мину, но после недавнего взрыва от нее наверняка осталась лишь груда металлолома.

Какая жалость! Сегодня ублюдкам досталось слишком легко.

Всем использовать время для отдыха, собрать оставшееся на позициях стрелковое оружие и патроны. Но будьте осторожны — кругом вражеские снайперы!

Отдал приказ Ли Вэй.

Чжан Тинюй, как ты? Куда его ранило?

Заметив, что он, похоже, потерял сознание, я обратился к стоявшему рядом бойцу.

Осколком вертолетной ракеты гайдзинов, ранение тяжелое. Надо срочно в госпиталь, — ответил боец, стирая с лица Чжан Тинюя смесь пыли и копоти.

Медсанбат!

Где его взять в такой обстановке?

Оставалось надеяться лишь на то, что парни в туннеле смогут вытащить его вниз.

Но людей оставалось в обрез — едва наберется на два отделения. А как же позиции? Впереди еще шесть часов!

Я опустил взгляд: живот Чжан Тинюя был туго замотан слоями окровавленных бинтов, а маскировочная форма насквозь пропиталась багровым, лицо же приобрело восковой оттенок от потери крови.

Старый Чжан был ранен, прикрывая наше отступление, — с болью в голосе произнес присевший рядом Цзян Лэй.

Майор, отправляем раненого вниз?

Я поднялся и посмотрел на Ли Вэя.

Майор снял шлем и долго молчал, прежде чем глухо бросить:

Подождем еще немного, посмотрим, будет ли подкрепление с тыла.

Все молчали.

Мы заплатили слишком высокую цену за удержание позиций, сдать их просто так мы не могли. Ни у кого не было на это права. В нынешних условиях каждый живой человек — это дополнительный шанс и крупница силы для обороны.

Подкрепление?

Будет ли оно вообще этой ночью?

Когда на исходе даже патроны, найти достойную смерть в бою казалось несбыточной роскошью.

Тяжело вздохнув, я шатающейся походкой доковылял до выхода из туннеля и, прислонившись спиной к стене, посмотрел наружу.

Мертвенно-тихие позиции. Мертвенно-тихий город.

На душе скребли кошки. Похоже, этой ночью этот проклятый уголок станет моим последним пристанищем. Я ведь просто наемный работник, мой дом далеко отсюда.

Земля погрузилась в зловещее затишье, по позициям гуляли порывы ветра, поднимая тучи пыли.

Дымовая завеса, висевшая над нами несколько дней, теперь порядком рассеялась. Глядя в прибор ночного видения, я смутно различал силуэты наших бойцов, ссутулившихся бродивших по позициям.

Ублюдкам тоже требовалось время на перегруппировку. Несколько часов ожесточенного боя истощили их запасы и силы, а за серьезные просчеты в координации авиации и пехоты кому-то из них придется отвечать.

Я повернулся и бросил взгляд на далекий горизонт: силуэт тылового города смутно вырисовывался в ночной мгле.

Израненный тысячелетний город, испуганно жмущийся к земле во мраке.

За десятилетия мира поколения местных жителей своими руками бережно возвращали этой седой древности облик изящной, элегантной дамы.

Улицы, утопающие в кронах раскидистых платанов; лужайки, украшенные изящными статуями; голуби, кружащие над зеленой гладью озера, легкий ветерок, касающийся балконов, и закатное солнце, которому ежедневно молились древние пагоды. Все воспоминания об этом городе отныне можно будет отыскать лишь на фотографиях да видеозаписях. Улицы, статуи, голуби и древние пагоды — все утратило былое величие, поглощенное ночной тьмой, и больше никогда не вернется.

Люди!

Точно, те самые люди, что жили на этой земле — в том числе и те, кто предал ее. Хозяева жизни на роскошных Мерседесах и BMW, сбежавшие в панике задолго до того, как сюда докатилась война, оставив город в одиночестве захлебываться слезами в ночи на этой древней и суровой земле.

Среди тысяч бойцов, что сейчас насмерть стоят на внешних рубежах, защищая ее, сколько было тех, кто некогда купался в ее нежных объятиях?

Я уже не помню, что заставило меня выпрямиться во весь рост, бросить пожитки и выйти из толпы панически бегущих людей. Не помню, как мне удавалось выживать в этом адском месиве на позициях. Я забыл лицо товарища, которого должен был спасти, но который в итоге погиб ради меня; я даже не помню, как сам схватился за оружие.

В памяти отпечаталось лишь одно: руки, перепачканные кровью, и окровавленное, изуродованное тело, которое я прижимал к себе изо всех сил. С самого начала безмолвная скорбь и ярость мертвой хваткой сжали мое горло и непрерывно терзали сердце. Я понятия не имел, какая сила заставляет меня держаться. Старик Лэй говорил, что в первую встречу принял меня за сумасшедшего — я стоял на позициях, не укрываясь от вражеского огня, и безумно кричал, поливая врагов свинцом. Если бы не его пинок, меня бы давно прикончили гайдзины.

Старик Лэй.

Интересно, жив ли он еще?

Пошел дождь.

Холодные капли ночного ливня забарабанили по моему шлему с сухим шелканьем.

Как пить хочется!

Закинув голову, я разинул рот, поймал несколько капель, но тут же брезгливо сплюнул.

Черт!

Почему от дождевой воды разит чесноком?

Чего застыл? Дождь пошел. Пойдем в туннель, поедим — хотя бы наедемся перед смертью!

Кто-то пробормотал у меня за спиной.

Оглянувшись, я увидел Цзян Е.

Он что-то жевал, похожее на армейский паштет, и, протянув руку, потащил меня за собой. Я поморщился, но поднялся на ноги.

В туннеле бойцы образовали кружок и принялись за консервы. На расстеленной прямо на земле клеенке громоздилось с десяток банок.

И вода!

Десятигаллонная пластиковая канистра с чистой водой шла по кругу — бойцы черпали ее пустыми консервными банками и передавали друг другу.

Запах гари почти выветрился, и теперь в спертom воздухе витали аппетитные ароматы еды.

Эй, старик Вэй, садись, тут есть местечко.

Увидев меня, полураздетый Сун Буи подвинулся, освобождая место рядом с собой, и продолжал запихивать в рот куски мясopодуктов, пока его кадык ходил ходуном.

Где вы это нашли?

Я присел рядом с Буи и жадно осушил маленькую банку воды.

В тыловом хранилище туннеля, танковое подразделение откопало.

Ума не приложу, откуда у этих парней аппетит — после всего увиденного меня от одного вида

мяса выворачивало наизнанку.

Старый Чжан пришел в себя? — обратился я к большому Ли.

Нет.

Коротко ответил сидевший напротив большой Ли.

На душе стало тоскливо. Если бы Чжан Тинюй сбил вражеский вертолет вчера, его бы уже давно общими усилиями эвакуировали в тыл.

А майор где? — я оглядел собравшихся.

Пошел проверять боевое оцепление.

<http://bllate.org/book/21115/2142668>